

- [Святитель Тихон \(Белавин\)](#)
  - [Примечания](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
-

Святитель Тихон (Белавин) #13;

О лице Господа Иисуса Христа

«Сие написано, дабы вы уверовали, что Иисус есть Христос, Сын Божий, и, веруя, имели жизнь во имя Его» ([Иоан. 20, 31](#)).

Принято прежде, чем исследовать какой-нибудь предмет, показывать важность этого исследования. Предмет нашего исследования сам говорит за свою высокую важность. Христианство не мыслимо без Христа (вопреки Бауру, хотевшему объяснить происхождение и сущность христианства без Христа). В других религиях хотя жизнь и характер основателей их и имеют важное значение, однако личность их не связана так тесно и неразрывно с самою идеею их религии, как личность Христа связана с христианством. Основатели разных религий были выразителями религиозных идей, нужд своего времени, потребностей своего народа, были религиозными реформаторами, а не творцами в строгом смысле слова. Христос же не только основатель христианства, но вместе и главный предмет, сущность и центр его. Христианство всецело построено на Нем, есть в собственном смысле Его творение, вышедшее из глубины Его Божественного Духа, и вполне запечатлено характером Его Личности. Личность Христа нераздельно связана с самою сущностью христианства, ибо оно есть не что иное, как учение о том, чему учил и что сделал Господь Иисус Христос.

Отсюда, для правильного понимания христианства, необходимо изучение Личности Христа Спасителя. Изучение это проливает обильный свет и на понимание христианских истин, ибо, например, христианское нравственное учение есть не простая, отвлеченная мораль, а живое изображение Самого Иисуса Христа, как божественного образца и нравственного идеала, – и на понимание дел Христовых. Дела Христовы нужно рассматривать в связи с Его Личностью. Если даже и о делах человека нельзя правильно судить, не обращая внимания на его личность, то тем более это следует сказать о делах Христа. Дела человека определяются не одною только его личностью, но и условиями времени и места, в которых находится эта личность, – среды, в которой она вращается; дело же Христа – Его дело, все существенные элементы которого берутся из Его Личности.

Таким образом, Лицо Христа Спасителя имеет весьма важное значение. Вот почему и все нападения новейшего неверия и отрицания направлены на этот центральный пункт христианства.

Но, обычно, важные предметы оказываются, вместе с тем и трудными предметами для исследования. Не мало было предпринимаемо попыток возвыситься до истинного изображения неземного величия Личности Христа Спасителя, воспроизвести живой Божественный Образ Его. Но все эти попытки одному нашему, отечественному богослову кажутся, – не без основания, – малоудачными и напоминающими столь же мало удачные попытки живописца, посланного Авгарем снять изображение Христа¹. А один иностранный богослов, написавший жизнь Иисуса Христа, сам сознается в своей бессилии и слабости воспроизвести Божественный образ Христа: «Я, говорит он, обращаясь ко Христу, хотел сказать о Тебе нечто великое; при свете мимолетного озарения, в благословенные минуты иногда казалось мне, что я вижу себя в Твоем Божественном величии, с осененным скорбью и любовью челом, препоясанным совершеннейшею чистотою и высочайшею любовью... Но как только я хотел изобразить Твой святой лик, кисть дрожала в моих неискующих руках, и я мог представить только бледный очерк того, что повергало меня в прах для поклонения Тебе. Кто я такой, чтобы быть в состоянии изобразить Твою святость?»² Причина такого бессилия понятна. Чтобы в совершенстве начертать лик Христа, для этого нужно иметь внутреннее духовное сродство с Ним (отсутствием этого сродства и объясняется неудача попыток Штрауса, Ренана); мало того: нужно самому стоять нравственно на бесконечной высоте, нужно составить **един дух** с Ним, нужно, чтобы Христос всецело изобразился в нас: в нашем уме, чувстве, во всей нашей жизни. А кто же, – будь то самый святой человек, – составляет со Христом **едино** в нравственном отношении? Христианская **Церковь** в праве гордиться весьма многими своими членами (мучениками, великими учителями и друг.); но все они ко Христу относятся только как слабые копии к неподражаемому оригиналу. Человеку, поэтому, не под силу нарисовать полный, целостный и совершенный лик Христа Спасителя. Посему и мы ограничимся указанием лишь некоторых черт Его, ясно показывающих, что это был не простой человек, а Богочеловек.

Прежде, чем приступить к рассмотрению этих черт, считаем не лишним разрешить одно недоумение: если Христос – Сын Божий, Бог, явившийся во плоти ([1Тим. 3, 16](#)), то почему же большинство современников Его не признало Его за Бога?

Современники Христа имели свои ложные, но излюбленные понятия о Мессии, как Царе земном, с ними они сжились, свыклись; отстать от них стоило больших трудов даже и ученикам Христовым. Но ученики имели сердца правые, благочестивые, доступные влиянию просвещающей благодати Божией, по внушению которой они и высказывали свое исповедание веры во Христа, как Сына Божия ([Матф. 16, 16](#)). У большинства же евреев сердце давно уже одebelело и противилось действию просвещающей благодати Святого Духа, они давно уже не видели и уши не слышали ([Иоан. 12, 40](#); [Деян. 7, 51](#)). Такие иудеи с плотским, чувственным пониманием судили о Христе исключительно по внешним обстоятельствам Его жизни, мало отвечающим их излюбленным представлениям о славном земном царе-Мессии. Христос рождается от бедной, малоизвестной женщины и всю свою жизнь как человек из низшего класса, часто не имеет где и главу преклонить. Большую часть своей жизни Он проводит в бедном галилейском городке, из которого, по мнению многих, не могло выйти ничего доброго, «путного». Он – сын плотника и Сам помогает ему в в трудах; Он не учился ни в какой известной школе, ни у какого знаменитого учителя. Он растет и проходит все периоды человеческого развития, подчиняется условиям человеческого положения, нуждается в пище, питии, отдыхе, несет тягость жизни, страдает, скорбит, как и все другие люди. Что же здесь божественного, неземного?! Правда, учение Его дивно, чудеса Его необыкновенны, – этого не могли не заметить даже и люди с плотским пониманием; но не означало-ли это в их глазах, что Христос не больше, как великий пророк, в роде Илии, или Иеремии? А если Он – Сын Божий, то разве Он окончил бы так позорно Свою жизнь на кресте?

Но если бы эти люди захотели поглубже заглянуть в то, что скрывалось под смиренною оболочкою жизни Христа, пожелали прилежно, беспристрастно, отрешаясь от своих ложных воззрений на Мессию и не противясь действию просвещающей благодати Божией, – изучить Личность Христа, то и они не могли бы не заметить, что Христос «воистину был Сын Божий» ([Матф. 27, 54](#)).

Явившись на землю, Господь – Иисус Христос обнаружил в Своей жизни и в своем Лице достаточно таких черт, которые ясно и несомненно говорят о Божественном его достоинстве. Начнем рассмотрение этих черт с событий внешней Его жизни.

Если Христос не Бог, а только человек, то как Архангел Гавриил в благовестии Пресвятой Деве Марии именует его Господом, «Сыном Божиим»? ([Лк. 1, 35](#)). Если не Бог, то кого славят ангелы? кому

поклоняются пастыри и волхвы? о ком возвещает звезда? Если не Бог, то как Он, будучи 12 лет, Своею мудростью приводит в смущение опытных и поседевших в мудрости учителей израилевых? Если не Бог, то о Ком говорит Бог Отец при крещении Иисуса: «Сей есть Сын Мой возлюбленный» ([Матф. 3, 17](#)) и на кого сходит Дух Божий? кому служат ангелы в пустыне? кто превращает воду в вино? кто насыщает пятью хлебами и двумя рыбами целые тысячи людей? кто повелевает ветрам и морю? кто исцеляет больных, очищает прокаженных, воскрешает умерших? кто прощает грехи, дает воду живую, исцеляет сокрушенных сердцем, проповедует пленным отпущение? Если не Бог, то почему при кресте солнце затмевается, земля колеблется, завеса раздирается, гробы отверзаются? Если Христос не Бог, то как Он сокрушает узы собственной смерти, является по воскресении ученикам Своим и чрез 40 дней возносится на небо? «Воистину Он (Христос) был Сын Божий» ([Матф. 27, 54](#)).

В истинности такого заключения мы еще больше убедимся, если от внешней жизни обратимся к внутренней, к рассмотрению собственно Его Личности.

Прежде всего при взгляде на Личность Христа Спасителя нас поражает Его безгрешность. Он вполне свободен от греха. Высоко, – несоизмеримо высоко, – стоит Он над грехами и страстями людскими. На Нем не лежит ни одного пятна, ни малейшей тени. Никогда никому не сделал он неправды, ни одному человеку не причинил вреда, не сказал ни одного дурного слова, не совершил ни одного худого поступка. Один Он сохранил ничем незапятнанную чистоту мыслей, чувств и действий.

Правда, бывает иногда, что и на известных людей мы с восторгом взираем, как на образцы нравственного совершенства; но чем внимательнее и ближе мы их изучаем, чем более строгие нравственные требования к ним предъявляем тем скорее замечаем, что эти великие и благородные образцы, которые сначала нас так очаровывали и увлекали, оказываются и сами не без недостатков и грехов. Только один Христос свят, только Он один без всякого греха. Об этом во всеуслышание заявляют свидетели жизни Христа, Его друзья – ученики, лучше и больше других знавшие Его, видевшие его близко и подробно, не просто в отдельных важных моментах, но ежедневно следовавшие за Ним и находившиеся с Ним в самых различных обстоятельствах жизни. Они единогласно признают Христа святым и праведным, непорочным и чистым, не сделавшим никакого греха ([Деян. 3, 14](#); [1Пет. 1:19, 2:22, 3:18](#); [1Иоан. 3:5, 7](#) и др.). А Иоанн Креститель, – самый строгий, святой и великий пророк,

пред которым благоговел весь народ еврейский, признавал Христа столь святым и нравственно высоким, что не считал себя достойным даже развязать ремень Его обуви, т.е. оказать Ему самую низкую рабскую услугу. Даже враги Христа, более трех лет следившие за каждым Его шагом, зорко наблюдавшие за Ним, ревниво подстерегавшие каждое Его слово и дело, чтобы было в чем обвинить Его, – и те не могли открыть ни одного пятна, которое бы омрачало чистоту Его жизни. Пилат, внимательно исследовавший обвинения, возводимые на Иисуса, и даже сам жалкий предатель его – Иуда признают Его неповинным.

Против этого рационалисты говорят, что свидетели безгрешности Христовой не могли проникнуть в сокровенные Его мысли и в тайники его души; быть может, в глубине Его сердца и было что нибудь греховное, а между тем здесь только и можно искать меры для оценки поступков и слов. Но на это нужно сказать, что Сам Христос свидетельствует о Своей безгрешности, и это свидетельство имеет весьма важное значение. Обыкновенно наиболее в нравственном отношении развитые личности прежде и глубже всего сознают свои собственные недостатки и считают себя первыми из грешников, так как для их чистого взора и малейшее нравственное пятно кажется величайшим безобразием. Христос, – и Он один только, – не делает этого, ибо в Нем не находилось никакого основания для сознания собственной греховности. Ревностно и горячо призывая всех других к покаянию, Сам Он никогда не чувствовал нужды в каком бы то ни было исправлении; дав заповедь Своим последователям молить Бога о прощении грехов, Сам Он не просит у Бога прощения Себе. Вместо сознания греха, напротив, Христос со всею решительностью высказывает сознание своей безгрешности, – высказывает, как во власти прощать грехи других, исключительно из всех сынов человеческих Ему одному принадлежащей, так и в торжественном, публично предложенном Им вопросе Своим врагам: «кто из вас обличит Мя о гресе» ([Иоан. 8, 46](#))? Эти слова не были со стороны Христа словами мечтательности и самообольщения, ибо то и другое немислимо в Том, от пронизательного взора Которого ничто не ускользало, и Который преследовал грех в самых тайных его изгибах; не были они и словами обмана и сознательной лжи (одна мысль об этом кажется величайшим богохульством!), с целью порисоваться перед другими, так как это еще более недопустимо в Том, Кто был воплощенная истина и образ кротости и смирения. Слова эти были торжествующею самозащитою Лица, стоящего выше всякой возможности какого бы то ни было обвинения или подозрения в грехе.

Безгрешность Христа Спасителя не есть безгрешность человека еще

неискушенного, в котором тайные силы зла могут спать по недостатку случая к тому, чтобы высказаться; безгрешность такого человека не представляет еще твердого ручательства в непоколебимости. Безгрешность Христа приобретает тем большую цену и имеет тем большее нравственное значение, что Он неоднократно подвергался искушениям действительным, а не призрачным. Апостол Павел говорит о Нем, что Он претерпел искушения, был искушаем и «во дни плоти Своей с сильным воплем и со слезами принес... моления» Богу ([Евр. 2:18, 4:15, 5:7](#)). Каких, действительно, испытаний, напастей, страданий, сетей не встретил Христос в Своей жизни со стороны людей и дьявола! Ему пришлось переносить и слабость, и непостоянство Своих учеников, измену друзей, неблагодарность и жестокосердие народа, злобу врагов; – пришлось проходить сквозь испытание крайнего энтузиазма, желавшего провозгласить Его царем, и крайнего поношения, когда его вскоре после торжественной встречи предали позорной казни; – приходилось иметь дело и с соблазнительными предложениями дьявола. Но все многочисленные искушители ничего не нашли в Нем себе подходящего, не успели поднять ни одного, даже малейшего похотения в Его святой душе. Христос в Себе Самом всегда находил достаточно мудрости, великодушия, терпения, твердости и силы, чтобы отразить все эти искушения. Он вполне чужд греха, совершенно свят, и, следовательно, Он не простой человек, а Богочеловек, так как один Бог без греха.

Святость человека заключается в подражании, уподоблении Богу: «святые будьте, яко Аз свят есмь» ([Лев. 19, 2](#)). Но если для людей Святой Бог навсегда останется недостижимым идеалом, к которому человек может лишь приближаться, то Христос Спаситель так же совершенен, как совершенен Отец небесный; в Нем мы видим те же совершенства, те же свойства, какие находятся и в Боге.

В чем состоит сущность Божества, – это для ограниченного человеческого разума не доступно. Однако, нам открыто в Боге такое свойство, в котором существо и жизнь Его выражаются особенно широко, полно и разносторонне: «любовь Божия, больше прочих свойств, отображает в себе самое существо Божие, – больше, нежели какое иное свойство исчерпывает беспредельное море бытия и жизни Божества»³, почему и Апостол Иоанн называет Бога любовью ([1Иоан. 4, 8](#)). Совершеннейшее обнаружение любви находим мы и во Христе: что такое любовь и что она может сделать, – об этом во всей полноте и глубине мы узнаем из жизни Христа, которая была одним великим делом любви.

В ветхом завете Бог из всех привязанностей человеческих выбрал для

выражения Своей любви к Израилю любовь матери: «Может ли женщина забыть грудное дитя свое? не пожалеет ли она сына чрева своего? если даже и она забудет, то Я не забуду тебя» ([Ис. 49, 15](#)). Это потому, что материнская любовь представляет высшую форму любви на земле, и более, чем что-либо, напоминает любовь Божию. Никакая другая любовь земная не может быть так сильна, так всецело, так неусыпна, так преданна и так способна на жертвы, как любовь материнская: любовь матери, потрудившись день, прободрствовав ночь, считает для себя достаточным вознаграждением одну улыбку, ласку дитяти; она охотно прощает и любит даже и тогда, когда дети постыдно забывают о ней; словом, мать узнается по любви к своим детям, как узнал истинную мать и Соломон.

И Христос Спаситель также указывает на материнскую любовь, как на изображение Своей любви к людям ([Матф. 23, 37](#)). И Его любовь – любовь чистая, нежная, сильная, всеобъемлющая, готовая на всякие жертвы ([Матф. 20, 28](#); [Иоан. 10:15](#), 13и друг.), – любовь, которая широким потоком струится из Его Божественного сердца и изливается на всех, милуя, спасая и благодворя. Вся жизнь и деятельность Христа проникнута безграничною любовью. Какую бы сторону жизни Его мы ни взяли, в каждой из них любовь Его светит таким ярким, поистине, небесным светом, проявляется с такою всеобъемлющею полнотою, с такою святою и чистою пламенностью, что и без особых разъяснений она очевидна даже и для темного по уму читателя Нового Завета, ощутима и для немягкого сердца.

Любовь низводит Христа на землю. Она же побуждает Его оставить мирное и спокойное жилище в Назарете, где Он, быть может, имел бы возможность пользоваться хотя некоторыми радостями жизни, – и взамен этого выступить на полный трудов, страданий и скорбей путь общественной деятельности. В самом деле, какая масса труда проходила в течении даже одного дня в жизни Спасителя! Когда Евангелисты рассказывают ([Матф. 8, 16](#); [Мк. 1, 32](#)), что вечером, при закате солнца, народ приносил ко Христу многих, одержимых бесами, и Он изгонял духов Своим словом и исцелял больных, то этот вечерний час был концом дня, который проведен был в непрерывной деятельности, в учении народа и в исцелениях. За этим днем следовал другой, о начале которого нам повествуется, что, когда было еще темно, Иисус встал и пошел в пустынное место помолиться. Его ученики отыскивают Его и говорят Ему: «народ ищет Тебя»; и Он посвящает любви к людям не только часы Своего отдыха, но даже для этого сокращает и час Своей молитвы: «пойдем, – говорит Он ученикам, – в ближние селения и городá, чтобы Мне и там

проповедывать, ибо для того Я и пришел» ([Мк. 1, 35–38](#)). И снова начинается трудовой день, но Христос не слабеет и не изнемогает; Он не щадит Себя для великого и трудного дела любви, не знает утомления, забывает голод и жажду, жертвует и естественными Своими привязанностями, и телесными потребностями. Свою любовь к людям Он проявляет во всевозможных видах благожелательности: в сорадовании и сострадании ближнему, в милосердии, помощи и самоотверженном служении его благу. Любовь влечет Христа в дом радости на брак; она же ведет Его и в дом печали и смерти; она ласкает и благословляет детей; она же исцеляет больных и воскрешает мертвых. Но по преимуществу она обращается на страждущих и обремененных, на мытарей, прелюбодеев, на жалкий народ, блуждающий подобно стаду без пастыря и костенеющий в заблуждениях и грехах, – на них она по преимуществу изливается, ибо во враче нуждаются больные, а не здоровые. Христос милостиво входит в дом мытарей, этих народных истязателей, которых все презирали и избегали. Бросившейся к ногам Его грешнице, которая столь была хорошо известна всем, что особенно ревнивые защитники общественной нравственности боялись оскверниться от одного ее присутствия, – Он обещает прощение грехов «за то, что она много возлюбила» ([Лк. 7, 47](#)). Для уличенной в прелюбодеевании женщины, над которою собираются совершить узаконенную казнь, у Него находится слово всепрощающей любви: «иди и впредь не греши» ([Иоан. 8, 11](#)). Вот почему около Христа мы видим сходбище разных бедствий, слабостей, недостатков.

Но относясь с любовью прежде всего к несчастным, Христос не пренебрегает и теми, кто считал себя за праведников, готов беседовать и с фарисеями и даже разделять их трапезу, в надежде, не поймут ли они час спасения своего. Свою любовь Он распространяет и на врагов Своих. Если никто так много не любил, как Христос, то никто не был так и ненавидим, как Он: едва ли можно найти человека, которого бы так сильно и столь многие осуждали, ненавидели и гнали, как Христа. Провидение поставило Его в среду таких людей, которая, по видимому, скорее могла вселить в Него отвращение и вражду к людям, чем воспитать жалость и любовь к ним. Но именно в этой-то среде, неблагоприятной для развития любви, в этой-то непроглядной тьме злобы, коварства, вражды и ненависти и воссиял светозарным блеском светоч любви Божией. Вражда и злоба не могли ожесточить Христа, не могли ни на минуту ослабить Его пламенной любви к людям: «тьма не объяла Его» ([Иоан. 1, 5](#)). При торжественном входе в Иерусалим Он плачет об окаменении сердец Своих врагов. Он ждет для Себя от врагов только смерти и, не смотря на то, любит их и умирает,

прощая своих распинателей. Человеческая злоба, как будто, для того и проявилась во всей наготе, со всей ужасающей силой, хитростью и кровожадностью, чтобы тем ярче засияла, тем сильнее проявилась, тем несокрушимее оказалась любовь Христа.

Но Христос, «возлюбив Своих сущих в мире, возлюбил их до конца» ([Иоан. 13, 1](#)): любовь приводит Его, наконец, на Голгофу. Но и тогда, идя на страдания за род человеческий и забывая Самого Себя, Он утешает плачущих о Нем женщин иерусалимских; вися на кресте, Он спасает душу распятого с Ним разбойника и в предсмертных мучениях, при насмешках неразумной толпы, молит Отца о прощении Своих врагов; почти уже испуская последний вздох, Он, однако же, заботится о Своей матери. Так, поистине, вся жизнь Христа есть не что иное, как непрерывное дело любви.

Мы рассмотрели «деятельную» любовь Христову. Но любовь еще и «не превозносится, не гордится..., не раздражается, все терпит» ([1Кор. 13:4–5, 7](#)) и охотно повинуется ([1Иоан. 5, 3](#)). Поэтому непременное свойство любви составляют смирение, кротость, терпение и послушание.

И во Христе мы видим глубокое смирение, величайшую кротость, изумительное терпение и полное повиновение Богу Отцу. Они проникают всю Его жизнь от рождения до смерти, все Его слова и дела, речи и поступки.

«Будучи образом Божиим, ...равным Богу, Христос уничижил Себя., приняв образ раба, сделавшись подобным нам – человекам» ([Флп. 2, 6–7](#)). Соединение Божеского естества с естеством человеческим, бесконечного и несозданного с конечным и тварным было уничижением для Сына Божия, так как чрез это соединение Он добровольно ограничил на время проявления Своей Божественной природы и подчинился условиям тварного, ограниченного бытия. Богатый Божественною славою и могуществом, Христос обнищал нас ради; при всей возможности быть владычествующим, славным, Он больше, чем кто-либо другой, испытал лишения, бедности, страданий, поношений. Христос рождается на свет обыкновенным младенцем, причем при рождении у Него не оказывается ни дома, ни колыбели. Он возрастает и развивается почти так же, как и все люди. Тридцать лет Он, – Владыка твари и Господь славы, – сокрывается на земле в глубокой неизвестности и пребывает в повиновении двум смертным, которых удостоил нареци Своими родителями. Но вот Он выступает на общественную деятельность, – и что же? Святой Божий, грядущий освятить человек, хотя Сам и не нуждается в очищении, однако вместе с грешниками преклоняет Свою выю под руку человека –

Иоанна. Мы справедливо удивляемся смирению этого самого Иоанна-Крестителя, который не принимал почестей со стороны современников, а всю славу относил ко Христу. Но его смирение слабо в сравнении со смирением Христовым. Будучи едиnorodным Сыном Божиим, в Котором «обитала вся полнота Божества» ([Кол. 2, 9](#)), Христос не Себе приписывает славу Своего учения и дел, а Богу Отцу; учит ли Он, – Он заявляет, что Его учение не Его, а посланного Его Отца ([Иоан. 7, 16](#)); совершает ли чудо, – опять говорит, что Отец дал Ему совершить сии самые дела ([Иоан. 5, 36](#)). Он, – единый Господь и Учитель, – на коленях, подобно рабу, прислуживает Своим ученикам, умывая им ноги, чего, быть может, не хотел сделать никто даже и из этих бедных и не знатных рыбаков.

А как безмерно кроток и терпелив был Христос Спаситель в обхождении со всеми, – и с учениками и с неверующими, и с друзьями и с врагами!

Как пророку Илие близость Бога открылась не в бóльшем и сильном ветре, раздирающем горы и сокрушающем скалы, не в землетрясении и не в пожирающем огне, а в веянии тихого ветра, так предстает она и во Христе. Он проникнут пламенной сердечностью, но чужд бурного порыва, страстной стремительности, тем более – беспощадной строгости; от слов и дел Его веет дыханием мира. Он «льна курящагося не угасит и трости надломленной не сокрушит» ([Матф. 12, 20](#); ср. [Ис. 42, 3](#)). Кроткий и ласковый, Он с неустоящим терпением переносит и неправду, и слабость людскую. Кто, кроме Христа, подвергался таким настойчивым, несправедливым и жестоким преследованиям со стороны врагов? Кому, как не Ему, приходилось терпеть клевету, злобу, поношение, насмешки нередко даже со стороны тех, которым Он так щедро благодетельствовал? Кого, как не Христа, называли льстецом, другом грешников, учение считали богохульным, дела беззаконными, чудеса – бесовскими? Даже из близких Ему людей, из учеников Его, один продал Его врагам на смерть, другой отрекся от Него в самые тяжкие минуты Его жизни, а прочие мало понимали Его, и во время несчастья оставили Его одного, в страхе разбежавшись. И однако, кто, кроме Христа, при всем этом, – при неверности и неблагодарности народа, предательстве Иуды, отречении Петра, рассеянии прочих учеников, злобе и издевательствах врагов, грубости солдат, кто обнаружил такое царственное спокойствие и безграничное терпение? Его незаслуженно подвергают невыразимым мучениям, причисляют к преступникам, ставят на ряду с разбойниками, ругаются над Ним, плюют в Него, бьют, – а Он переносит все это молча и даже не отверзает уст Своих. На возмутительную грубость слуги,

ударившего Его по щеке, у Него находится только один кроткий ответ: «если Я сказал худо, покажи, что худо; а если хорошо, что ты бьешь Меня» ([Иоан. 18, 23](#)). Ученику, который три раза постыдно отрекся от Него, хотя заранее и уверял Его в своей полной преданности, Он не высказывает даже ни одного строгого упрека, а только бросает на него скорбный взгляд. Самого Своего предателя Он не осуждает, а только говорит ему: «целованием ли предаешь Сына Человеческого?» ([Лк. 22, 48](#)). Даже в тех случаях, когда Его речи со всею тяжестью Божественного прещения обличают и уничтожают лицемеров, когда сердце Его при виде ужасного осквернения всего святого переполнено скорбью, даже и тогда в Нем нет и тени личного озлобления и раздражительности, и обличения Его вытекают не из вражды, а из любви и святой ревности.

Но да не подумает кто-либо, что такое незлобие Христа, всегда готовое простить, происходило от недостатка в Нем нравственной строгости! Вспомним, как Он карал Своим могучим словом фарисеев, как изгонял торжников из храма. Нельзя также объяснять терпения Его тем, что в Нем, подобно стойкам, была притуплена восприимчивость к страданиям, что до Его сердца не доходила никакая скорбь. Нет, Он чувствует все горе так сильно, как могла чувствовать только Его чистейшая душа. Он вкушает всю чашу страданий, каплю за каплей до самого дна и страдает так, как не страдал ни один человек. Им овладевает тоска и страх; тело Его страдает, душа скорбит и содрогается при мысли о смерти, ибо мучения и смерть противны здоровой природе. Он переживает тягчайший час внутренней жизни в то время, когда висит на кресте, оставленный всеми, даже Богом, и лишенный всякого утешения, когда ни один луч света не доходил до Его души, и когда Он вполне мог сказать: «есть ли страдание, подобное Моему страданию?» ([Плач. 1, 12](#)).

Подлинно, нужна превышечеловеческая сила духа для такого кроткого, незлобивого отношения к людям и для такого неслыханного терпения, пред которыми с благоговейным изумлением останавливается всякий, беспристрастно изучающий жизнь Христа!

Любовь Христа, выразившаяся по отношению к людям как в благодеяниях им, так и в незлобивом перенесении от них тяжких страданий, по отношению к Богу Отцу проявилась в полном повиновении Его воле. Все дело искупления было действием послушания со стороны Христа Богу Отцу. Еще от вечности было определено Богом, что Сын Божий воплотится для искупления людей, и вот Христос, входя в мир, говорит: «Я иду исполнить волю Твою, Боже» ([Евр. 10, 7](#), ср. [Псал. 39, 9](#)). Воплотившись, Он, как истинный человек, во всем, кроме греха, подобный

нам, имел Свою человеческую волю, отличную от Божественной. Но человеческая Его воля никогда не действует вопреки воле Божественной: Он слушался ей только в той мере, в какой она не противна этой последней. Он прямо говорит: «Я сошел с небес не для того, чтобы творить волю Свою, но волю пославшаго Меня Отца» ([Иоан. 6:38, 5:30](#)); в этом Он полагает Свою «пищу» ([Иоан. 4, 34](#)), т. е. Свою насущную потребность. И действительно, во всю Свою жизнь Христос выполнял волю Отца во всей точности и с полной покорностью. Первое слово Христа, приведенное Евангелистом, выражает мысль о повиновении Отцу. Еще в пору нежного отрочества, 12-ти летний Иисус говорит Своей матери: «Мне должно быть в том, что принадлежит Отцу Моему» ([Лк. 2, 49](#)). И после, когда он открыто выступает на общественную деятельность, ничто не может отвлечь Его от этого повиновения. Каждое предприятие Его, всякое слово и деяние, – все вращается около него, все имеет непосредственное к тому отношение. Отправляется ли Иисус в какой-нибудь город, или селение, – Он делает это, исполняя волю Пославшего Его. Дух Божий побуждает Его идти в пустыню, – Он и идет туда. Дух поставляет Его в отдаленном от врагов месте, – Он и остается там. Дух ведет Его в Иерусалим в минуты самой большой опасности, когда ненависть и злоба врагов готова употребить грубейшее насилие над Ним – Он и не колеблется. Тот, Кто вчера скрывался потому, что Отец желал этого, исполняя волю Того же Отца, с полным спокойствием неожиданно является пред Своими врагами, дрожащими от злобы на Него. Не старается Христос приблизить Своего часа; но лишь только прозвучал этот час, – час скорби и страданий, – Он восклицает: «на сей час Я и пришел» ([Иоан. 12, 27](#)). Он вполне знает, что ожидает Его впереди; человеческое чувство самосохранения подсказывает Ему молитву к Отцу о том, чтобы чаша страданий прошла мимо Его ([Лк. 22, 42](#)); как Бог, Он мог сделать один знак, и Гефсиманский сад превратился бы для Него в место славы. И, однако, этого знака Он не подал, а остался покорен воле Отца: «Отче, мой! ...да будет воля Твоя» ([Матф. 26, 42](#)), а воля Отца вела Его к Голгофе. Так Христос остался «послушным даже до смерти, и смерти крестной» ([Флп. 2, 8](#)). Крестная смерть была тяжка и мучительна для Него; но Его любовь к Отцу столь безгранична, что она вполне господствует над Его человеческою волею, побеждает в Нем чувство самосохранения, уничтожает страх смерти, дает Ему силу принести самую тяжкую жертву, лишь бы исполнить желание любимого Отца. Последним Его словом на кресте было обращение к Отцу: «Отче! в руки Твои предаю дух Мой» ([Лк. 23, 46](#)).

Таким образом, Христос Спаситель явился всецело преданным Сыном, и «любовь к Отцу, составлявшая основную черту Его духа, проявилась в Нем так, как ни в каком из людей»⁴.

Рассмотрение некоторых черт нравственного совершенства Христа убеждает нас в том, что это был не простой человек, а Богочеловек. Но для удовлетворительного изображения характера Его личности было бы недостаточно составить один перечень Его добродетелей: во Христе мы видим не только полноту добродетелей, но и совершеннейшую гармонию их и прекрасную соразмерность всех душевных сил, чем Он безмерно возвышается над всеми людьми.

Никто из великих людей не чужд односторонностей, которые, составляя их силу в одном отношении, делают их слабыми во всем другом. Так, мы знаем людей, очень чутких и восприимчивых ко всему высокому, прекрасному и доброму, но за то отличающихся бесхарактерностью, нерешительностью, уступчивостью. Другие изумляют нас железной силой воли, твердым характером, но за то от таких людей веет холодом, редко от них можно ожидать сердечной нежности, мягкости чувства. Иные поражают нас своим умственным развитием, богатством знаний, высоким и смелым полетом мыслей, но на ряду с этим им присуща рассеянность, непрактичность. Есть натуры, которые всю свою жизнь проводят в спокойном созерцании, живут по преимуществу внутреннюю религиозную жизнь, не вмешиваясь в общественную жизнь и наличную действительность; другие, напротив, исключительно преданы деятельности, не имеют времени для созерцания, потому что действительность составляет для них все. Словом, – у всех людей неизбежна и неустранима в большей или меньшей степени односторонность, дисгармония в их жизни; самые лучшие натуры в мире человеческом всегда развиваются в каком-нибудь одном преобладающем направлении, а это ведет к стеснению других сил. Оттого, – «голова и сердце, знание и чувство, ум и воля, – у кого находятся в постоянном, безусловном согласии»⁵?

Иисус Христос чужд всякой дисгармонии, крайности, односторонности. Его силы так были расположены и соразмерны, что ни одна из них не выступает вперед более, чем нужно, ни одна не ослабляет другую. У нас зачастую величие переходит в гордость, твердость в суровость, ревность в страстность, благосклонность в потворство; кто из людей, ревнуя о добре и преследуя преступления, хотя отчасти не переносит своего гнева и нелюбви и на самого преступника и кто,

наоборот, отличаясь снисходительностью к грешнику, как человеку, в то же время не смотрит с некоторым послаблением и на самый грех? Не то находим мы во Христе: в Нем безграничная любовь к грешникам соединялась с неподкупною строгостью ко греху, твердость с мягкостью, достоинство с смирением, мужество с осторожностью, высокая мудрость с глубокою простотою сердца, душевное спокойствие с живостью чувства. Точно также в Нем ничто не преобладает, – ни ум, ни воля, ни чувство, а все находится в стройном согласии: в Нем – и величайший ум, и твердая сила характера, и нежное сердце. Он и мыслитель и деятель: в Нем – чудное единение созерцательного и практического направления, глубокой серьезности и напряженности внутренней жизни с самою энергичною внешнею деятельностью.

Поэтому, во Христе находят себе образец для подражания и аскеты, и филантропы, – словом, все, в ком не заглохли истинные потребности нравственной человеческой природы. В то же время, Он является образцом для людей всех мест и народов. Почти у каждого народа есть свои национальные герои, которые, привлекая к себе всецело симпатии своих соплеменников, далеко уже не в такой мере симпатичны для других народов, так как существует различие между народами по их понятиям, воззрениям, вкусам. Христос же является предметом любви и подражания для всех народов. Пред Ним уничтожается всякое различие наружного вида, образования и обычаев народа. Еврей, эллин, варвар, – все равно влекутся к Нему. Он находит Себе учеников и между евреями, хотя и не принадлежал ни к одной их партии, – и между греками, хотя и не проповедовал никакой новой философии, – и между римлянами, хотя и не участвовал ни в одном их сражении, – и между черными дикарями, хотя и принадлежал Сам к ненавистным для них белокожим людям. Во Христе не обнаруживается никаких племенных недостатков, а, напротив, ярко выступает равномерное отношение между национальным и общечеловеческим, чего не достает передовым деятелям каждого народа.

О чем же свидетельствует такая чудная гармония в характере Христа-Спасителя? О величии Его? Несомненно, но только это – не величие человека, ибо, как сказано, самый великий человек не чужд недостатков и односторонностей; и в этом отношении Христос несравним, не имеет ни достойного Себе образца, ни сколько-нибудь близкого сходства. Это – то величие, о котором Архангел Гавриил сказал Пресвятой Деве Марии: «Он будет велик и наречется Сыном Всевышняго» ([Лк. 1, 32](#)). Гармония эта указывает на вышечеловеческое, Божественное достоинство Христа-Спасителя.

О Божественном достоинстве Иисуса Христа можно заключать по цели и плану, которыми Он задается, по средствам, которые Он употребляет для достижения Своей цели и для осуществления Своего плана.

Цель, которую поставил для Себя Христос, поистине велика и достойна Самого Бога! Много необычайных планов начертывалось и проводилось в мире великими людьми, из которых одни задачею своей жизни поставляли преобразование той или другой отрасли знания, другие – очищение и возвышение известной религии, иные – улучшение политического и гражданского быта какого-нибудь народа, облегчение тягостей его жизни и т.п. Христос мало походит на этих великих людей: Он не завоевал никакой земли, не управлял никаким государством, не сделал никакого удивительного открытия или изобретения, не оставил никакого ученого исследования, не создал никакого поэтического произведения. Но за то Он предпринял и совершил по истине великое, неслыханное дело, о котором едва ли кто либо и думал из великих людей, не говоря уже о том, чтобы когда-нибудь и где-либо были серьезные попытки к его осуществлению. Цель и дело Его – принести радостную весть спасения, – принести не одним Его соплеменникам, но всем людям, преобразовать весь род человеческий, освободить все человечество от мрака заблуждений и искупить от рабства греху, обновить весь мир, образовать на земле царство Божие, – царство истины, любви и нравственной свободы. Кто вложил в сердце Христа эту мысль? кто создал в Нем этот благородный план? Быть может они были ходячими среди Его соплеменников, носились тогда, как бы, в воздухе? Но вспомним, что сыны Израиля, не понимавшие истинного смысла писаний, ожидали в лице Мессии земного царя завоевателя, только себе присвоили право на благословение и с презрением смотрели на прочие народы. Поэтому, Христос начинает Свое дело без друзей, без поддержки сильных, со всех сторон окруженный предрассудками, совершает его в борьбе с завистью, злобою, терпит за него клевету и преследования, но, не смотря на все препятствия, остается верным своему делу до конца и принимает за него смерть. Ясно, значит, что это было **Его** дело и **Его** план.

Между тем, никто из людей, как сказано, не составлял такого высокого плана и никто не трудился над исполнением его с таким бескорыстием и самоотвержением, как Христос: Он первый и последний предпринял такое дело и твердо его исполнил. Что же из этого следует? «Что Он был самый совершеннейший из смертных? Конечно, следует и это, – но не одно это, а «еще более того». Кто знает людей, тот скажет:

«здесь более, нежели человек»⁶.

В этом мы еще более убедимся, если обратим внимание на средства, употребленные Христом Спасителем для достижения своей цели. Правда, средства эти так же высоки и святы, как и самая цель, но они, по видимому так малы и недостаточны для достижения ее, что само собою напрашивается сомнение в успехе дела.

Христос мог бы привлечь к Себе многих обещанием богатства, счастливой жизни и власти; но Он Сам жил в бедности и Своим ученикам предсказывал скорби в жизни, не обещал Он Своим последователям и мирской власти, которая так привлекает к себе сердца людские. Равным образом, Он мог бы расположить многих в Свою пользу, если бы поблажал чувственности и «потокал» страстям человеческим; но первым Его требованием было требование самоотвержения и строгой благочестивой жизни. Бедный, не известный, не имевший даже опытности пожилого возраста, Назаретский Плотник выступает без власти, без внешней силы, без учености, без всяких, вообще, вспомогательных средств и влияний, какие обыкновенно признаются необходимыми каждому человеку для достижения какойнибудь высшей цели. Своей чрезвычайной цели Он достигает Своим учением, Своими страданиями и смертью, на которых созидает новую благодатную жизнь. Если бы человеку дать одни эти средства, то мы имели бы полное право усомниться в успехе задуманного им предприятия. И однако же история подтверждает, что Христос достиг Своей высочайшей цели этими именно средствами, что ими одними Он произвел тихий и медленный, но за то радикальный переворот в жизни человеческой и дал ей новое направление. Значит, Христос пользовался этими средствами не как простой человек, а как Бог, как «Божия Сила и Божия Премудрость» ([1Кор. 1, 24](#)).

То правда, что Христос страдал и умер по человечеству, но если бы Личность Его была человеческая, – личность простого смертного, то и страдания и смерть Его не имели бы искупительного значения, не в состоянии были бы возродить человечества и основать царства Божия на земле, ибо «человек никак не искупит брата своего и не даст Богу выкупа за него; дорого́а цена искупления души их» ([Пс. 48, 8–9](#)). А что касается учения Христа, то уже современники Его заметили: «Никогда человек не говорил так, как сей человек» ([Иоан. 7, 46](#)); мы же в праве прибавить, что и не может человек, хотя бы он был и величайший из пророков, говорить так, как говорил Христос – Бог. Посмотрим ли мы на предмет Его учения, или же на форму, – и там и здесь мы увидим нечто необыкновенное, далеко собою превосходящее какое бы то ни было человеческое слово.

Учение Христа-Спасителя отличается от всякого другого учения тем, что Он Сам был главным предметом Своего учения. Все другие учителя, как бы ни были они велики по своим достоинствам, какую бы высокую истину ни возвещали они, – суть только простые проповедники истины, возвещающие и раскрывающие ее, указывающие путь к ней; истина и их «я» не тождественны между собою. Вот почему о всех их можно сказать то, что сказано о величайшем из рожденных женами, – об Иоанне Крестителе: «он не был свет, но был послан, чтобы свидетельствовать о Свете» ([Иоан. 1, 8](#)). Христос же «был истинный Свет» ([Иоан. 1, 9](#)), сама воплощенная «истина» ([Иоан. 14, 6](#)). Не временным органом слова Божия, подобно древним пророкам, объявляет Он Себя миру, а непосредственным источником, вечным вместилищем, живым воплощением истины.

Отсюда, всякая (религиозно-нравственная) истина тесно связана с Лицем Христа, заключается в Нем, как в своем источнике⁷. Что мы можем знать о Боге, то Христос показал нам в Своем Лице, ибо Он и Отец – одно ([Иоан. 10, 30](#)) и видевший Его видел и Отца ([Иоан. 14, 9](#)). Что нужно знать о человеке, его истинной природе и высоком назначении, то опять явил нам в Своем Лице Христос, второй Адам, совершеннейший Сын человеческий. Человек пал и нуждается в примирении с Богом: Христос для этого и пришел на землю, Он и есть обетованный Примиритель. Человек нуждается в освящении и возрождении: Христос, благодаря Своим заслугам, приобрел право посылать для этого к верующим Духа Святаго. По конце мира будет воскресение, суд и вечная жизнь: Христос – воскрешение и живот, Он будет и суд творить. Так, все учение сосредоточивается в Лице Христа. Он «альфа и омега, начаток и конец» ([Апок. 1, 8](#)) Христианства. Поэтому и от своих последователей Христос требовал не союза только с Собою, но и веры в Него, как Икупителя, Сына Божия, чего не требовали и не могли требовать религиозные реформаторы.

И по форме своей учение Христа столь же необычно и столь же совершенно, так что и с этой стороны, по истине, никакой человек не говорил, так, как говорил Он.

В речах Христа нет ни «красивых слов», ни благозвучия, ни блеска ораторского, ни громких фраз, ни всей мишуры, которою украшается иногда человеческое слово, чтобы прикрыть свою слабость. И однако, не смотря на отсутствие внешнего изящества, речи Его производят на слушателей гораздо более могущественное действие, чем всякое, бьющее на эффект и заботящееся о блеске, красноречие. Слово Христа – живо и действенно, ибо оно доступно и просто. Он умел быть понятен не только

ученым законникам, но и простейшим людям; не смотря на все неисчерпаемое богатство и бесконечную высоту, пред которыми с благоговением преклонялись самые величайшие и святейшие умы, слово Его могли понимать и смиреннейшие из смертных, «малые» из людей. Это оттого, что Христос приноравливался к их пониманию, чуждался отвлеченностей, и переносил их мысль к обычным явлениям: к сеятелю, выходящему сеять, к полям с желтеющими колосьями, к пастуху, пасущему стада, к работникам, занимающимся на винограднике и т. п. Но эту общедоступность Своего учения Христос не покупал за счет истины. Нередко случается, что известный учитель, желая приспособить истину к пониманию большинства, искажает ее, подлаживаясь ко взглядам народа, делая уступки ходячим заблуждениям, льстя предрассудкам толпы и тем приобретая ее благосклонность. Христос, напротив того, никогда не переставал поражать любимые идеи своих современников, их национальные предрассудки. Как воплощенная Истина, Он, с одной стороны, не мог изменить истине, а с другой – умел сообщить ее понятно, просто и без прикрас.

Истина Божия сама по себе прекрасна и не имеет нужды во внешних прикрасах. Правда, иногда восторженность речи является естественным следствием или того, что человек впервые для себя открыл какую-нибудь истину, или того, что предмет речи уже слишком высок сам по себе, и потому человек, говоря о нем, легко впадает в высокий тон (пример этого можно видеть на ветхозаветных пророках). Все речи Христа, напротив, дышат святым, величавым спокойствием: в них нет ни возбуждения, ни торопливости; Христос не поражается собственными мыслями, не приходит от них в душевное волнение, подобно прочим смертным, которым возвышенные мысли даются не часто; о самых высоких предметах Он говорит так спокойно и просто, что, как будто бы, Он о них вовсе и не размышлял, и в то же время так ясно и определенно, что всякий чувствует, как хорошо Он знает о них. Отсутствие этой, по видимому, вполне естественной и необходимой восторженности в слове Христа указывает на Его безмерное превосходство над всеми величайшими пророками и учителями. Слова Христа не были вдохновением свыше, как это было у пророков (почему они и говорили: «так глаголет Господь»), – а были действием Его Божества, единосущия с Отцом, плодом Его Божественной мысли. Для него не было надобности восторгаться: как царский сын, рожденный и воспитанный среди величия и блеска, говорит о них без всякого увлечения, так и Христос говорит о высоких истинах с неподражаемым спокойствием, хорошо показывающим, что Он родился

среди них, сжился с ними. Жизнь в Боге не была для Него исключительным состоянием, «восхищением» ума, редко достижимую высоту, до которой Он поднимался бы только в счастливую минуту необыкновенного воодушевления; нет, – это было обычное Его состояние, и Христу нужно было только оставаться Самим Собою, чтобы всегда говорить о самых высоких истинах просто, спокойно, без всяких волнений, колебаний.

Итак, учение Христа Спасителя и по содержанию и по форме стоит неизмеримо выше всякого человеческого учения: никогда человек не говорил так, как говорил Христос. Это потому, что Он – Божественный Учитель, или, как называет Его [блаженный Августин](#), – «Учитель учителей, Коего школа на земле, а кафедра на небе».

Мы рассмотрели некоторые черты Личности Христа в тех видах, чтобы показать Божественное достоинство Его и чрез то возбудить веру в Него, как Сына Божия, ибо вера во Христа распространяется не столько внешними доказательствами, логическими доводами, историческими исследованиями, сколько *живым представлением Божественной Личности Христа*. Мы почитали бы себя в высшей степени счастливыми, если бы нам удалось сообщить хотя сколько-нибудь ясный образ Божественного величия Христа.

Примечания

1

Прот. Сидонский – Генетическ. введение в богосл., 40.

Прессансэ. Жизнь И. Христа, 313.

Беляев – «Любовь Божественная», 2-е изд., 44.

Прот. Каменский – Правосл. Нравственное Богословие, 89.

Люгардт, см. у свящ. Петропавловского – Богочеловеческий Образ И. Христа, 28.

Геттингер – Апология Христианства, ч. I, отд. 2-й, 306.

По временам люди думают, что они открыли ту или другую истину независимо от Христа, но потом, взглядываясь внимательнее в слово Его, замечают, что истина эта не их изобретение, а давно уже высказана Христом. В самом деле, какими идеями может похвалиться XIX век которых бы не было в Евангелии?! Даже неверующие нередко украшаются словом Христа и зажигают у Его света свой жалкий светоч.